

Сяо Янь был одержим своей идеей и не собирался сдаваться, лишь отложил вопрос, сказав, что обсудит позже. Они быстро перешли к обсуждению северного патрулирования после последнего месяца зимы, и никто не заметил, как в углу залы лицо Сяо Цичэня менялось от бледности к красноте, выражая крайнее негодование.

Вернувшись во дворец, Сяо Цичэнь не выдержал. Всё обдумав, он переоделся из придворного облачения, велел людям подать карету и, не слушая возражений, приказал Тяньхуэю:

— В усадьбу маркиза.

Стук копыт о мостовую сотрясал его внутренности в карете, но на душе было неожиданно спокойно. Естественно, в этот момент он снова подумал о Су Яне. Сяо Цичэнь тихо застонал, раздражённо закрыв глаза.

— Ваше Высочество, мы прибыли, — Тяньхуэй приподнял занавеску кареты, прерывая размышления Сяо Цичэня, смешанные из юношеских чувств и государственных дел. — Юный маркиз как раз дома.

Он тут же вскочил, в несколько прыжков выскочил из кареты и, не здороваясь, помчался внутрь:

— Су Янь! Су Янь!

Человек у входа, только что снявший плащ, не успел опомниться, как Сяо Цичэнь, налетев со спины, чуть не сбил его с ног. Су Янь, пошатнувшись вперёд, естественным движением схватился за его руки, скрещенные у себя на груди:

— Оправился от болезни и снова резвишься?

Сяо Цичэнь, развязно повиснув на Су Яне, позволил вести себя внутрь:

— Ага. Обычные люди зимой чаще хворают, а я, как вступает зима, чувствую себя лучше. Видно, у меня недуг от летнего зноя. Вот когда север успокоится, буду летом ездить в Ючжоу, говорят, там прохладно...

Он говорил радостно, не замечая, насколько их поза была неприличной, пока не увидел у восточного флигеля чей-то силуэт. Сяо Цичэнь вдруг прикусил язык, скривился и спрыгнул с Су Яня на землю.

Женщина сохраняла спокойное выражение лица. Она подошла к ним и сделала реверанс Сяо Цичэню. Су Янь воспользовался моментом:

— Это шестой принц, я тебе рассказывал. Ачэнь, это Жуннян, вы ещё не встречались.

Ли Жун тихим голосом произнесла:

— Приветствую Ваше Высочество.

Настроение Сяо Цичэня, едва начавшее улучшаться после долгого уныния, тут же вновь пошло на спад, и в сердце забродила кислота. Ему страшно хотелось отделаться формальностью, но из-за присутствия Су Яня пришлось изобразить «искренность»:

— В день вашей свадьбы я приболел и не смог присутствовать, а потом не находилось повода навестить. Сегодня, узрев облик молодой госпожи, я поистине поражён, словно увидел

небожительницу. Неудивительно, что в последнее время Аянь перестал слоняться с нами.

Видя, что он опять начинает городить чушь, Су Янь схватил Сяо Цичэня за запястье:

— Не болтай вздора. Когда это я слонялся? Пойдём, поговорим в кабинете, у меня есть кое-что интересное тебе показать.

С этими словами он потащил Сяо Цичэня за собой, совершенно позабыв о новобрачной супруге.

Сделав пару шагов, Сяо Цичэнь оглянулся. Ли Жун всё ещё стояла на прежнем месте, сохраняя безупречную улыбку. Рядом с Су Янем она походила на прекрасную статую, в которой не сыщешь изъяна, но не хватало лишь капли жизненности.

В комнате топилась жаровня, а Сяо Цичэнь прихватил с собой ещё и ручную грелку, которую и держал в ладонях. Су Янь налил чаю, выставил на стол сушёные фрукты и лишь тогда уселся сам:

— Отец говорил, сегодня на собрании господин Ван и господин Се неожиданно пришли к согласию. Уже второй раз в этом году, просто невероятно.

Сяо Цичэнь усмехнулся:

— Потому что мой мудрый отец возжелал сделать наследником комочек, которому и месяца нет.

Су Янь на мгновение онемел, боясь, что первое же его слово станет оскорблением величества. Он съел засахаренный финик, пытаясь успокоить Сяо Цичэня:

— Если, как ты тогда говорил... на самом деле...

— Брат Юй, наверное, вот-вот воспользуется новогодними праздниками, чтобы вернуться в Цзиньлин и здесь застрять, — продолжал Сяо Цичэнь, говоря словно сам с собой. — В день рождения седьмого брата выражение лица наложницы Ли было просто загляденье. Интересно, снова ли она замышляет, как бы придушить или утопить того, кто ещё и говорить не умеет, дабы раз и навсегда устранить угрозу и не допустить, чтобы её сын, двадцать лет трудившийся в поте лица, в конце концов приготовил свадебные одежды для другого.

Его лицо оставалось обычным, но у Су Яня в груди похолодело. Он осторожно спросил:

— Думаешь, князь Чжао нанесёт удар первым?

Сяо Цичэнь бросил ему поверхностную улыбку:

— Тогда мне останется лишь сделать вид, что я ничего не знаю. — Произнеся это, он вдруг сменил тему:

— Ты говорил, есть что показать. Что же это?

— А, вот оно. — Су Янь встал, достал из шкафа книгу и бережно развернул её перед Сяо Цичэнем. — Ты в прошлый раз говорил, что с Великим наставником изучаешь наводнения в округе Цингуан? На днях я с войсками был в Линьхае и на побережье встретил одного старца. Мы хорошо побеседовали. Он сказал, что дни его сочтены, и лишь эта книга — фамильная драгоценность, которую он просил меня бережно хранить. Я принёс её в лагерь, взглянул и

вспомнил, что ты упоминал...

Взгляд Сяо Цичэня внезапно вспыхнул. Он встал, и его пальцы, словно касаясь щеки возлюбленной, нежно легли на пожелтевшие страницы. Он прошептал:

— ...«Записи рассуждений и ответов о Водном каноне»... Давно утерянные. Неужели их ещё можно увидеть...

Книга сохранилась хорошо, но запах туши уже вытеснил солёная сырость морского ветра. Сяо Цичэнь с величайшей осторожностью перелистал страницы, затем торжественно сложил, сокрушаясь, что не захватил драгоценный футляр.

Су Янь как нельзя кстати достал из-под стола шкатулку:

— Уложи сюда и забирай. Я примерил — в самый раз.

Это была та самая сандаловая шкатулка, в которой в день свадьбы Су Яня лежала пара нефритовых скипетров жуи от Сяо Цичэня.

Подавая её, Су Янь испытывал некоторую тревогу, но Сяо Цичэнь, похоже, забыл о той истории. Не смея ослушаться, он уложил книгу, взвесил шкатулку в руке и улыбнулся ему. Его умение менять выражение лица, знакомое Су Яню много лет, всё ещё вызывало изумление. Су Янь произнёс:

— Се Хуэй говорил, у тебя прежде была сердечная болезнь... это из-за седьмого принца?

— Он не настолько важен, — Сяо Цичэнь погладил четыре уголка на крышке шкатулки и рассеянно молвил:

— В те дни я полагал, что наконец-то смогу выбиться в люди, но отношение отца вернуло меня на прежнее место, и в сердце поселилась досада. Плюс... кое-какие другие дела. Потому и пребывал в унынии. А теперь оглядываюсь — да незачем было.

Су Янь спросил:

— Почему?

— Потому что есть вещи, которые я изменить не в силах, приходится смириться. Разве ты не часто поступаешь так же? Или ты уже, как старший брат Пин, угодил в медовый погребок своей супруги?

— Я... не могу сказать, — Су Янь ждал, когда он заговорит об этом. — Жуннян... Отец с матерью ею очень довольны. Она часто вышивает на галерее, очень тихая. Далеко не путешествовала, любит расспрашивать меня о многом. Беседовать с ней приятно... В тот день отец спросил, полюбил ли я Жуннян. Я долго думал и понял, что вообще не знаю, что означает «полюбил».

В кабинете жаровня и курильница благовоний, сочетаясь, создавали в пространстве атмосферу светлого весеннего дня. Сяо Цичэнь прижал к себе маленькую грелку и тихо спросил:

— Неужели и вправду не знаешь?

Су Янь смущённо покачал головой.

— Тогда вспомни те... непристойные книжки, что мы раньше читали, — начал Сяо Цичэнь и, увидев, как Су Янь в раздумьях улыбнулся, тоже приблизился к нему. — Как говаривали древние: «Есть одна прекрасная дева, увидев — не забыть. День не видя её — с ума сойти». Девушки с реки Циньхуай все знают: возлюбленный — «бел, как горный снег, ярк, как луна средь туч»...

Сойти с ума от тоски. Каждая встреча словно отделена тысячами накладывающихся друг на друга дней и ночей. Ночью, в одиночестве на подушке, не спится. Слышишь, как южный ветер за окном скользит по сухим ветвям, видишь сияние яркой луны, сверкание Млечного Пути — и ничто не сравнится с одним его взглядом.

У меня есть лишь искреннее сердце, но боюсь, что, предложи я его, никто не примет. Потому показываю тебе лишь его тень через оконную бумагу. Вижу, как ты замираешь, но страшусь нарушить покой в этом мире — и спешно убираю обратно. Чувства всегда единственны в своём роде. Это искреннее сердце ты видел — и я не желаю более предлагать его кому бы то ни было.

Слово «любовь» звучит легкомысленно, произносить его — тяжело. Перевернувшись тысячу раз, оно превращается в кувшин горького вина.

Говоря это, он придвинулся к Су Яню вплотную, и выдыхаемое им тепло обожгло мочку уха, заставив Су Яня потерять душевное равновесие. В конце концов Сяо Цичэнь отступил на шаг и, с намёком на улыбку, приподнял бровь:

— Неужели и вправду ни капельки?

Су Янь слегка замешкался:

— Я её уважаю, но ещё не люблю. Отвечаю, когда она спрашивает. Она многое для меня сделала, я тронут, но... мы уже несколько дней не делим ложе.

На этот раз изумлённым стал Сяо Цичэнь.

Уходя в тот день, Сяо Цичэнь с некоторым сочувствием взглянул на Ли Жун. Та, не понимая причины, по-прежнему сохраняла уместную улыбку.

— Мне её немного жаль, — покачивая полупустым кувшином вина, под мелодии Цзяннаня, доносившиеся из покоев, сказал Сяо Цичэнь Се Хуэю. — У неё есть собственные пристрастия, она не вертится вокруг Су Яня без остатка. И это вызывает у меня даже некое почтение.

<http://bllate.org/book/15940/1425146>